

М. В. Кривенко

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР В РОССИИ В 1918-1922 гг. В ОЦЕНКАХ
ВИДНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ**

*Работа представлена кафедрой социально-гуманитарных наук
Пятигорского государственного технологического университета.
Научный руководитель - доктор исторических наук, профессор В. А. Казначеев*

В статье рассматривается проблема политического террора в России в годы гражданской войны, анализируются позиции и отношение к массовым репрессиям и их последствиям видных российских общественных и политических деятелей.

The author of the article considers the problem of politic terror in Russia during the Civil War and analyses the prominent Russian public and politic figures' views and attitudes to the mass repressions and their consequences.

История XX в. продолжает оставаться объектом пристального внимания со стороны исследователей. Особое внимание уделяется наиболее значимым и в то же время драматичным периодам развития государства, которые не только наложили отпечаток на всю его дальнейшую эволюцию, но и оставили без ответов много вопросов, касающихся судьбы миллионов российских жителей. К таким периодам, без сомнения, относится борьба за власть, развернувшаяся сразу же после революции. Гражданская война, быстро охватившая территорию огромной страны, по существу, явилась следствием неспособности основных политических сил к достижению компромисса в решении основополагающих вопросов внутреннего развития. Каждая из них опиралась на конкретные слои населения, поэтому интенсивность борьбы за власть не везде была одинаковой.

Примерно через месяц после прихода к власти большевики контролировали большую часть севера и центральной части страны, а также значительные территории в Средней Азии и на Северном Кавказе. Соответствующую географию имели и фронты гражданской войны, на которых красные и белые армии, различные карательные отряды «зеленых» и партизаны на протяжении четырех лет воевали со своим

собственным народом и поэтому были одинаково повинны в многочисленных жертвах. По совокупному мнению исследователей, за эти годы Россия потеряла в общей сложности порядка тринадцати миллионов человек. Более полутора миллионов россиян из этого числа стали жертвами террористических акций, остальные погибли от голода, лишений и болезней¹.

Террор и насилие, имевшие место в России исследуемого периода, были нацелены главным образом на изменение сознания населения. Возможно, поэтому оно и стало основной жертвой. В этой связи необходимо провести четкое разграничение между террором и насилием. Террор - это, скорее всего, форма правления. Что касается насилия, то в политической сфере оно предназначено для свержения власти, после чего, по мнению Х. Аренд, «...не исчерпывает себя, а получает полный контроль»².

Вождь мирового пролетариата утверждал, что красный террор в годы гражданской войны являлся вынужденной ответной мерой на действия белогвардейцев и интервентов. В. И. Ленин говорил, что «после революции... мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи... Лишь после того, как эксплуататоры... стали развертывать свое сопротивление, мы

начали систематически подавлять его, вплоть до террора». Основываясь на этом положении, В. Быстрянский в 1920 г. высказал мнение, что «...репрессивные меры, которые вынуждены применять рабочие и крестьяне для подавления сопротивления эксплуататоров, не идут ни в какие сравнения с ужасами белого террора контрреволюции»³.

В то же время имели место и сопоставления белого и красного террора в пользу противоборствующей стороны. А. И. Деникин, возглавлявший белое движение на юге государства, не скрывал, что во время гражданской войны противники «пустили реки крови». Он откровенно писал о том, что «волна казачьих и добровольческих войск оставляла грязную муть в образе насилий, грабежей и еврейских погромов», однако, с его слов, белые «грозили, но были гуманнее», красные - «звали, но были жестоки»⁴. Характеризуя методы борьбы за власть большевиков, он указывал на то, что для них «неизменной оставалась система террора, проповедуемая открыто с торжественной наглостью. На Кавказе, по его утверждению, чекисты рубили людей тупыми шашками над вырытой приговоренными к смерти могилою; в Царицыне удушали в темном, смрадном трюме баржи... Повсюду избивали до полусмерти, иногда хоронили заживо...»⁵.

Аналогичную направленность имели и выходившие за границей издания, в которых красный террор получал официальное теоретическое обоснование, характеризовался в качестве официальной политики, по сравнению с которой белый террор представлял собой «эксцессы на почве разнузданной власти и мести». Их российский оппонент А. В. Пешехонов, пытаясь оправдать действия большевиков, писал, что у них «имеются чрезвычайки», в то время как «у Деникина была контрразведка». Тем не менее он также отмечал, что «большевики побили рекорд и количеством жестокостей превзошли деникинцев. Но кое в чем, по его мнению, и деникинцы перещеголяли большевиков»⁶.

Пытаясь ответить на вопрос об ответственности за жестокости и незаконные красных и белых, А. М. Горький указывал на ее равнозначность, «потому что, по его мнению, все они - и красные, и белые - одинаково русские... В России, на его взгляд, любят бить - безразлично кого»⁷. Трудно не согласиться с этим мнением, однако не следует забывать и о том, что именно слова великого пролетарского писателя: «Если враг не сдается, его уничтожают»⁸ стали своеобразным руководством к действиям во время очередной волны репрессий в начале 1930-х гг. Это обстоятельство подтверждает конъюнктурный характер отношения представителей разных политических сторон к террору, его целям и последствиям. В этом смысле вполне оправданной выглядит позиция В. Г. Короленко, согласно которой «...не восхвалять надо террор, а предостерегать против него, откуда бы он не исходил. Если бы он мог принести пользу большевистской революции, то так же полезен был бы и ее противникам... И благо той стороне, которая первая сумеет отрешиться от кровавого тумана и первая вспомнит, что мужество в открытом бою может идти рядом с человечностью и великодушием к побежденному». По убеждению В. Г. Короленко, основная ошибка большевиков заключалась в том, что они пытались «ввести социализм без свободы»⁹. Достаточно близкую по содержанию точку зрения высказал П. А. Сорокин, считавший, что в послереволюционной России были проявлены «с той и с другой стороны невероятные акты жестокости и садизма, редко имеющие место в обычных войнах»¹⁰. Но более созвучным с реалиями того времени следует признать мнение о том, что в годы гражданской войны у каждой стороны была своя правда и своя честь: «Правда тех, кто считал и родину, и революцию поруганными новым деспотизмом и новым, лишь в иной цвет перекрашенным, насилием, - и правда тех, кто иначе понимал родину и иначе ценил революцию и кто видел их поругание не в похабном мире с немцами, а в обмане на-

родных надежд...». По убеждению писателя М. А. Осортина, «было бы слишком просто и для живых людей, и для истории, если правда была лишь одна и билась лишь с кривдой: но были и билась между собой две правды и две чести, - и поле битвы усеяли трупами лучших и честнейших».

Террор как средство достижения политических целей дискутировался не только на уровне общественных и политических деятелей России исследуемого периода. Эта тема часто поднималась на внутрипартийных и межпартийных дебатах. Г. В. Плеханов, например, до революции вполне допускал необходимость уничтожения политических оппонентов. Однако в начале 1918 г. он резко изменил свое мнение, считая, что диктатура пролетариата являлась лишь прикрытием для диктатуры группы людей и не имеет ничего общего с настроениями всего трудящегося населения. В одной из статей он писал, что «употребление террористических средств - есть признак шаткости положения, а вовсе не признак силы. И уж во всяком случае, ни социализм вообще, ни марксизм в частности тут совершенно ни при чем»¹². Выходит, что террористические акции не имеют концептуальных объяснений, а проявляются только в практической плоскости, когда власть чувствует отсутствие социальной опоры своим начинаниям.

В. И. Ленин, в свою очередь, относился к сторонникам радикальных мер воздействия на политических противников. Некоторые его оппоненты не скрывали своего убеждения в том, что большевики первыми прибегли к насилию и в этой связи для «оппозиции осталась только одна форма политического выступления ... гражданская война»¹³. Кроме того, многие соратники и сподвижники вождя отмечали его жесткость и беспринципность в вопросах построения взаимоотношений с противниками революционных преобразований. Он был готов обосновать любые меры, которые способствовали утверждению советской власти. К высшему закону В. И. Ленин относил «пользу революции, пользу рабочего класса», а вслед за ним и другие партий-

ные руководители того времени высказывали убежденность в том, что революционер должен добиваться поставленных целей всеми возможными средствами. По мнению Л. Д. Троцкого, наиболее полезным в этом отношении являлся террор, а поскольку он был направлен против сторонников прежней России, то признавался вполне оправданным. На его взгляд, устранение являлось самым могущественным политическим средством. Говоря о соответствии численности жертв целям революции, он относил этот вопрос к разряду бессмысленных для дискуссии тем, считая, что «с таким же правом можно перед лицом трудностей и горестей личную существования спросить: стоит ли вообще родиться на свет?»¹⁴.

Отношение к репрессивным мерам воздействия на политических противников у российских социал-демократов было неоднозначным. Ю. О. Мартов после революции выступил против применения смертных приговоров. Особое внимание он обращал на противоречия между продекларированными положениями и практической деятельностью власти. «Как только стали они у власти, - писал Ю. О. Мартов, - с первого же дня, объявив об отмене смертной казни, они начали убивать. Кровь родит кровь. Политический террор, введенный с октября большевиками, насытил кровавыми испарениями воздух русских полей. Гражданская война все больше ожесточается, все больше дичают в ней и звереют люди, все более забываются великие заветы истинной человечности, которым всегда учил социализм. Там, где власть большевиков свергают народные массы или вооруженные силы, к большевикам начинают применять тот же террор, какой они применяют к своим врагам». Данная позиция выражена предельно четко. В ней прослеживается попытка определения виновников того, что происходило в стране в первые годы советской власти. Позднее Ю. О. Мартов выдвинул прямое обвинение против большевиков в том, что они подходят «к решению всех вопросов политической

борьбы... методами непосредственного применения вооруженной силы», выражая при этом уверенность в том, что такой подход «предполагает скептическое отношение к возможностям демократического решения социально-политических проблем»¹⁵.

Анализ показывает, что эпоха террора в России после революции и в начале 1920-х гг. действительно существовала, под террором понимались репрессивные меры красных и белых, которые осуществлялись с целью утверждения власти в конкретных регионах России. Однако однозначно ответить на вопрос о том, кто стал инициатором массовых репрессий, практически невозможно. В то же время достаточно трудно назвать какой-либо другой конкретный период в отечественной истории, в течение которого россияне с таким же ожесточением и ненавистью уничтожали друг друга, как это происходило в первые годы становления советской власти.

Приведенные мнения свидетельствуют о том, что представители обеих противоборствующих сторон всегда находили аргументы для оправдания своих действий. Примером служила история собственного государства и народа, на протяжении которой уничтожение политических противников стало надежным и испытанным методом реализации внутренней политики. Естественно, вопрос о правомерности карательных действий белых, так же как и красных, весьма сомнительный. История свидетельствует о том, что на контролируемых территориях и те и другие правитель-

ства прежде всего руководствовались обстоятельствами и интересами устранения противника. Ни одна из сторон практически не выполняла своих же правовых норм, вследствие чего население оставалось беззащитным от произвола. Эти и многие другие доводы дают основание считать, что в рассматриваемые годы насилие с обеих сторон характеризовалось разгулом беззакония и жестокости. Если уж говорить о степени их виновности, то она должна быть равнозначной и для белых, и для красных, хотя до последнего времени многие представители исторической науки были склонны считать красный террор следствием несогласия политической оппозиции с программой большевиков по советизации страны. На наш взгляд, такие объяснения выглядят односторонне и обусловлены идеологическим подтекстом. Они основаны на твердом убеждении в законности советской власти в исследуемый период, несмотря на то что она установилась в результате военного переворота. В сущности, в то время все имевшиеся в стране правительства имели одинаковый статус и могли оказаться победителями. Но для этого необходимо было выстоять в кровавой войне, из которой победителями вышли большевики. После того как социалистическое движение было раздроблено, создалось парадоксальное положение: демократия, ради которой совершался переворот, была принесена в жертву политике насилия над классовыми врагами. Страна погрузилась в бездну террора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. М., 1998. С. 49.

¹ *Arendt H.* On violence. N.Y., 1969. P. 55.

³ *Быстрянский В.* Контрреволюция и ее методы. Белый террор прежде и теперь. Петроград, 1920. С. 1.

⁴ Деникин - Юденич - Врангель. М.; Л., 1927. С. 60.

⁵ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин, 1926. С. 136.

⁶ *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. Берлин, 1924. С. 5-6.

⁷ *Горький А. М.* Русская жестокость // Новая Россия. 1922. № 2. С. 142.

⁸ Правда. 1930. 15 ноября.

⁹ В. Г. Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917-1921. Библиографическая хроника. Вермонт, 1985. С. 184-186.

¹⁰ *Сорокин П. А.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 5. С. 172.

¹¹ *Осоргин М. А.* Сивцев Вражек // Урал. 1989. № 7. С. 86.

¹² Цит. по: *Тютюкин С. Б.* Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 356-357.

"Каутский К. Московский суд и большевизм // Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922. С. 9.

¹⁴ *Троцкий Л. Д.* История русской революции. Т. 2. Берлин, 1933. С. 376.

¹⁵ *Мартов Ю. О.* Мировой большевизм. Берлин, 1923. С. 13.